

Илья Борисович ИТКИН

Институт востоковедения РАН,
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Взлет и падение *апельсиновых рощей* (судьба окончания род. мн. *-ей* у существительных I склонения)

Если отвлечься от узкодиалектных особенностей реализации общевосточнославянского процесса и от форм отдельных слов, то общая «внешняя» история Р. мн. ч. в русском языке оказывается предельно простой [Хабургаев 1990: 164].

В древнерусском языке (в период непосредственно после падения редуцированных) все существительные I склонения в форме род. п. мн. ч. имели нулевое окончание.

В современном русском языке некоторые существительные I склонения с исходом основы на парно-мягкий или шипящий в форме род. мн. имеют окончание *-ей* (в качестве единственного варианта или наряду с нулевым окончанием). Факторами, способствующими появлению окончания *-ей*, у существительных I склонения служат [Зализняк 1967: 230–231]:

1) флексивное ударение в косвенных падежах мн. ч. (*свеча – свечей*, ср. *свечáми*);

2) наличие консонантного кластера на конце основы (*сакля – саклей*);

3) принадлежность к мужскому или общему роду (*юноша – юношей*);

4) семантическая близость к группе *pluralia tantum* (*ходуля*, чаще *ходули – ходулей*);

5) в единичных случаях — притяжение со стороны какой-либо другой лексемы, тесно связанной с данной семантически или морфологически: «Р. мн. *тётей*, по-видимому, объясняется аналогией со словом *дядя* <...>, Р. мн. *семядóлей* (*семенодóлей*) — прямым влиянием слова *дóля* (Р. мн. *долéй*)» [Зализняк 1967: 231].

У части слов, подпадающих под действие некоторых из этих факторов, нулевое окончание все равно является единственно возможным (*земля – земель*, *гейша – гейши*, *вельможа – вельмож* и т. д.). Более существенно при этом, что среди слов, не входящих в группы 1)–5), в настоящее время, кажется, нет ни одного, у которого окончание *-ей* встречалось бы чаще, чем в качестве единичных отклонений (ср. *кожа – кож*, *неделя – недель*, *яблоня – яблонь*, *буря – бурь*, *дача – дач*, *депеша – депеш*, *тёща – тещ*, *роща – роц* и т. д.). Существительные «мягкой разновидности» I склонения, в современном русском языке могущие иметь окончание *-ей*, мы будем называть «особыми», а существительные, (практически) никогда не принимающие такого окончания, — «словами типа *роща*».

На основании только что изложенных фактов естественно было бы предположить, что история соответствующего фрагмента грамматической системы русского языка действительно «оказывается предельно простой» и сводится к постепенному распространению окончания *-ей*, заимствованного из III склонения, на все группы «особых» существительных. Хорошо известно, однако, что реальная картина предстает совершенно иной: в XVIII – первой половине XIX в. очень многие слова типа *роща* могли иметь окончание *-ей*, у некоторых из них такой вариант был не менее употребительным, чем вариант с нулевым окончанием.

Большой и чрезвычайно ценный материал по этой проблеме собран в классической работе [Обнорский 1931: 185–211]. К сожалению, анализ этого материала существенно затруднен избранным исследователем способом изложения: «особые» существительные рассматриваются вместе со словами типа *роща*, примеры из текстов XVIII–XIX вв. даются вперемежку с цитатами из старорусских документов и диалектными записями и т. д.

Очень представительная подборка примеров употребления окончания *-ей* у слов типа *роща* в литературном языке XVIII–XIX вв. содержится в словаре Н. А. Еськовой [2008: 644–651]. Высочайший научный авторитет Н. А. Еськовой способствовал тому, что собранные ею данные были восприняты как исчерпывающие, ср.:

В русском языке XVIII – первой половине (sic! — *И. И.*) XIX вв. колебание в формах род. мн. распространялось на значительное количество слов женского и некоторые существительные общего рода с основой на мягкий согласный (преимущественно *-н*, *-л*, *-р*) или шипящий (*афишей*, *баней*, *басней*, *бурей*, *вельможей*, *встречей*, *грушей*, *депешей*, *дулей*, *дыней*, *калошей*, *клячей*, *кучей*, *милей*, *невежей*, *неделей*, *ношей*, *пашней*, *песней*, *петлей*, *потерей*, *притчей*, *просвирней*, *пулей*, *пустыней*, *рожей*, *рощей*, *саблей*, *сечей*, *сплетней*, *твердыней*, *туфлей*, *тучей*, *тысячей*, *цаплей*, *чашей*, *чащей* в соответствие современным нормативным формам с нулевым окончанием) [Панькова 2012: 9].

Не вызывает никаких сомнений, что «список Паньковой» представляет собой просто перечень словарных статей из словаря Н. А. Еськовой (за вычетом форм *барыней*, *няней*, *папашей*, *харей*, скорее всего, случайно пропущенных по небрежности), перечисленных, увы, без всякой ссылки на источник...

Между тем, приведенный перечень, во-первых, неполон, во-вторых, неоднороден хотя бы в том отношении, что составлен без разделения примеров на прозаические и стихотворные. Ясно при этом, что цитаты из поэтических текстов в данном случае намного менее показательны, поскольку в стихах употребление окончания *-ей* может диктоваться требованиями размера и отчасти рифмы.

Таким образом, прежде чем перейти к теоретической интерпретации рассматриваемого материала, мы считаем целесообразным, во-первых, прокомментировать статус некоторых форм, во-вторых, дополнить данные Н. А. Еськовой как примерами, собранными С. П. Обнорским, так и некоторыми нашими собственными наблюдениями.

Может показаться, что такая работа избыточна, потому что с точки зрения грамматической приемлемости в русском языке XVIII – первой половины XIX в. окончание *-ей* было допустимым у всех слов типа *роща*, а его отсутствие у тех или иных конкретных лексем представляет собой случайную лакуну. Мы, однако, никоим образом не уверены, что дело обстоит именно так. В частности, несмотря на значительное увеличение числа доступных источников, сохраняет свою значимость утверждение С. П. Обнорского о полном отсутствии род. мн. на *-ей* у таких частотных существительных, как *земля* и *душа* [Обнорский 1931: 207]. Сам С. П. Обнорский объясняет этот факт тем, что *земель*, *душ* «являются формами книжного (церковнославянского), не русского, происхождения» [Там же]. Это объяснение никак нельзя признать убедительным, поскольку двумя страницами ниже исследователь специально отмечает: «Особенно характерно употребление форм на *-ей* у заимствований из церковнославянского или старого книжного языка, которых также оказывается значительное число» [Там же: 209]. Разумеется, обращает на себя внимание принадлежность лексем *земля* и *душа* к словам, имеющим флексийное ударение в форме им. пад. ед. ч., но связь этого фактора с (не)возможностью образования род. мн. на *-ей* остается неясной. Соответственно, несколько более полное и более детальное описание имеющегося материала в любом случае представляется нам полезным.

Из форм, перечисленных Н. А. Еськовой, формы *афишей*, *барыней*, *грушей*, *калошей* (*галошей*), *клячей*, *невежей*, *рожей*, *твердыней*, *харей*, *чашей*, согласно нашим данным, встречаются только в стихах.

С другой стороны, в материалах С. П. Обнорского отмечены случаи употребления в прозе следующих форм род. мн.:

– *неудачей* (письмо А. С. Грибоедова К. К. Родофиникину), *святошей*, *затренией*, *волей* [Там же: 189, 190, 194];

– *добычей*, *пищей* [Там же: 189, 190] от *добыча*, *пища*, ныне представляющих собой *singularia tantum*;

– *офицершей* в «Бригадире» Фонвизина, *смотрительшей* в письме Пушкина жене [Там же: 188] (впрочем, в обоих этих случаях есть основания предполагать намеренную стилистическую игру).

К этим примерам мы можем добавить еще некоторые:

кастрюля: Привезли целое семейство медных *кастрюлей*, которые мы поставили рядком на полке в нашей пустой холодной кухне. <...> Но могу ли я хотеть медных *кастрюлей* и нечесаной головы или чтобы меня видели, когда я не умыт и не в духе? [А. П. Чехов. Рассказ неизвестного человека (1893)]¹

краля: Ну и опять же, верно, порт и не без кабаков, и не без тех *кралей*, что пленяют так матроса за границей и которой несет он, — если уж краля очень вальяжна, — всю свою наличную денежную заслугу [К. М. Станюкович. От Бреста до Мадеры (1864)];

¹ Все примеры, оформленные по данному образцу, взяты из основного (прозаического) подкорпуса Национального корпуса русского языка (URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 07.07.2020); далее – НКРЯ).

круча: Положение места сего Царствующаго Санктпетербурга есть всюду ровное (или горизонтальное), речными берегами, также и приморскими, повсюду украшающееся, высоких гор и чрезвычайных *кручей* и глубоких рвов неимущее, но по премногу отложистыми местами красящееся [А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)];

продажа: Мы живем в век баснословия и волшебства; мы окружены поэзиею <...> *продажей* с молотка, португальских дел и заколдованных кладов. [О. И. Сенковский. Заколдованный клад (1833)];

вероятно, также *толща*: <...> Московская юрская формация имеет свою частную исключительную наружность, которая отличает ее не только от юрских слоев прочей Европы, но даже и от юрских *толщ* в России <...> (К. Ф. Рулье, «О животных Московской губернии», 1845)².

Остановимся отдельно на трех небольших сюжетах.

1. *Афиша* vs. *депеша*.

Лексемы *афиша* и *депеша* чрезвычайно схожи с точки зрения происхождения, фонетической структуры, в какой-то мере даже семантики. При этом статус форм род. мн. *афишей* и *депешей* в языке XVIII – первой половины XIX в. резко различен. Форма *афишей* представлена, как уже отмечено выше, только в стихах и лишь единичным примером (из И. И. Дмитриева [Еськова 2008: 644]), тогда как форма *депешей* была широко распространена. В НКРЯ наиболее поздний пример употребления формы *депешей* (выглядящий уже явным архаизмом) обнаруживается в «Записках...» морского офицера Н. Фесуна (1859). В текстах, написанных раньше этого времени, соотношение форм *депеш* и *депешей* составляет 10 : 10; форма *афиш* в том же хронологическом интервале встретилась не менее семи раз.

С. П. Обнорский выдвинул предположение о существовании в русском языке слова III склонения *депешь* [Обнорский 1931: 204]. Это предположение находит себе блестящее подтверждение (при этом, однако, оба примера относятся к очень позднему времени):

Только дня это не прошло — дает он мне *депешь*: у Ивана-де Ефимыча десять барок с хлебом, рожью, потопли [В. И. Немирович-Данченко. Соловки (1874)]

— Скажите, какая вдруг нам *депешь*! — произнесла находившаяся в числе гостей у попадьи жена управляющего (Ф. Д. Нефедов, «Не в обычае»)³.

При этом, однако, причиной широкого распространения род. мн. *депешей* вариант *депешь* служить не может. Так, в письмах Д. И. Фонвизина П. И. Панину (1763–1774), в которых форма *депешей* встретилась не менее 5х, отмечен и вин. ед. *депешу*. В «Записках...» Н. Фесуна формы *депешей* и *депеш* (2х) сосуществуют. В повести Ф. Д. Нефедова наряду с *депешь* представлены вин. ед. *депешу* (в речи попадьи) и собственно род. мн. *депеш* (в авторском

² Усматривать в приведенном фрагменте форму существительного III склонения *толщ* едва ли возможно уже потому, что в XVIII–XIX вв. эта лексема вообще встречалась чрезвычайно редко: так, в НКРЯ в этом временном интервале нет ни одного надежного примера ее употребления.

³ Мы выражаем искреннюю благодарность С. И. Переверзевой, обратившей наше внимание на этот важный пример.

тексте); складывается ощущение, что форма *депешь* — элемент иронической речевой характеристики жены управляющего. Возможно, активное употребление род. мн. *депешей* представляет собой особенность делового стиля; данный вопрос требует дальнейшего изучения.

2. *Встреча*. В XIX в. отчетливо выделяется несколько писателей, обнаруживающих явную склонность к употреблению род. мн. на *-ей* у слов типа *роща*: таковы Грибоедов, Вяземский, Гоголь, Герцен и (что выглядит почти невероятным с точки зрения хронологии) отчасти Чехов. Причины сложения данной «литературной группы» неясны; никаких очевидных общих признаков, объединяющих именно этих авторов в противовес каким-то другим, как кажется, отыскать невозможно.

Единственный ныне известный пример род. мн. *встречей* обнаруживается в «Былом и думах»:

1866 был годом столкновения народов, 1867 будет годом их *встречей* [Еськова 2008: 645].

Во многих изданиях вместо *встречей* печатается *встречи*; именно этот вариант отражен в НКРЯ. Несмотря на то, что слово *столкновение* в первой части фразы стоит в ед. ч., обилие форм на *-ей* в сочинениях Герцена позволяет рассматривать вариант *встречей* как *lectio difficilior* и считать авторским именно его.

3. *Княгиня*. В НКРЯ имеется следующий пример:

— Великих *княгиней* тоже по ногам хлестали? — Ну, это уж я не знаю... Наверно [Г. Н. Владимов. Генерал и его армия (1994)].

В XVIII–XIX вв. мы не смогли обнаружить ни одного примера род. мн. *княгиней* — не только в прозе, но даже в стихах. Если герой Владимова пытается имитировать «старинную речь», то (как и во многих других подобных случаях) неясно, что могло бы послужить ему образцом.

Итак, история род. п. мн. ч. слов типа *роща* представляет собой зигзаг. Зигзаг не совсем «полноценный», поскольку формы типа *рощей*, *бурей* ни в какой момент не вытеснили полностью формы типа *рощ*, *бурь*, но тем более загадочный, что в целом сфера употребления нулевого окончания род. мн. за последние столетия значительно сократилась, а сфера употребления окончания *-ей* — существенно расширилась.

Звездный час форм на *-ей* был коротким. Наиболее ранним примером такой формы С. П. Обнорский (с. 200) со ссылкой на А. И. Соболевского [Соболевский 1907: 179] называет род. мн. *рабыней* из Тактикона 1397 г., а их широкое распространение, по словам исследователя, «наблюдается только с Ломоносовской поры» (с. 201), после чего «они, просуществовав в книжном употреблении в течение столетия, почти все опять исчезли из языка...»

(с. 209). При этом С. П. Обнорский прямо указывает: «Причины <...> скорого их исчезновения из языка неясны» [там же].

Другие специалисты по истории русского языка, как кажется, по большей части вообще не задавались вопросом о том, как могла сложиться такая картина. Единственная известная нам попытка решения данной проблемы предпринята в уже упоминавшейся работе Е. С. Паньковой: «Достаточно быстрая стабилизация формы род. мн. у существительных женского рода связана с тем, что данные лексемы четче маркированы в отношении рода и в меньшей степени употребляются во множественном числе, в отличие от названий национальностей, единиц измерения и т. д.» [Панькова 2012: 17]. Разумеется, принять это объяснение невозможно: даже если оставить в стороне загадочную «четкость маркирования» и сохраняющуюся донныне вариативность формы род. мн. у десятков «особых» существительных, остается неясным, ни почему «стабилизация» пришлось именно на середину XIX в., ни, главное, почему ее результатом стала не ожидаемая победа форм на *-ей*, а, напротив, резкое сокращение их количества.

Объяснение, предлагаемое нами, чрезвычайно просто и лежит в русле многочисленных работ, рассматривающих влияние на перестройки склонения в славянских языках омонимии падежных форм (в других терминах — «падежного синкретизма»). Подробную библиографию исследований по данной проблеме можно найти в статье [Аркадьев 2005], универсалистско-«типологический» пафос которой мы, однако, ни в коей мере не разделяем.

Замещение в формах род. мн. нулевого окончания ненулевыми обусловлено двумя основными факторами:

1) «экзотичностью» нулевого окончания в соответствующей клетке парадигмы склонения и некоторой его морфонологической «неудобностью» для основ с исходом на группу согласных;

2) омонимией форм род. мн. формам им.(-вин.) ед.

Для существительных м. р. II склонения были значимы оба эти фактора; Г. А. Хабургаев совершенно справедливо приписывает триумфальное распространение окончаний *-ов* и *-ей* «стремлению языковой системы к специализированному и однозначному выражению значения Р. мн. ч.» [Хабургаев 1990: 164]. Для слов типа *роща* второй фактор был, разумеется, неактуален, а первый сам по себе, как кажется, не столь значим, чем, по-видимому, и объясняется отмечаемое С. П. Обнорским позднее появление форм *рощей*, *бурей* и т. д. и их медленное распространение. Тем не менее в исторической перспективе победа форм типа *рощей* над формами типа *рощ* была бы, очевидно, неизбежной... если бы на определенном этапе развития русского языка окончание *-ей* у существительных I склонения не потеряло способность «к специализированному и однозначному выражению значения Р. мн. ч.».

На наш взгляд, **постепенное исчезновение форм род. мн. типа *рощей*, *бурей* объясняется процессом отпадения конечного [у] в окончании твор. п. ед. ч. *-ею*.**

Формально переход окончаний твор. ед. *-ою*, *-ею* в *-ой*, *-ей* не завершился до сих пор, но фактически уже на протяжении многих десятилетий примеры

типа *зеленою травую, дальнею роцею* и т. п. воспринимаются как полностью устаревшие и сугубо книжные. Наиболее интенсивно процесс отпадения конечного [у] происходил в XIX в. Чтобы показать, что речь идет о двух одновременных грамматических изменениях, рассмотрим хронологическую динамику употребления форм с окончанием *-ей* у двух существительных, у которых род. мн. с ненулевым окончанием был представлен очень широко: *роща* и *вельможа*.

В приводимой ниже таблице отражены все употребления словоформ *рощей* и *вельможей* с начала периода, документированного в основном подкорпусе НКРЯ (то есть с начала XVIII в.), и до момента безоговорочной победы формы твор. ед. над формой род. мн. (примерно середина второй половины XIX в.). Формы род. мн. выделены жирным шрифтом, формы твор. ед. — курсивом. Примеры из текстов с нечеткой датировкой условно упорядочены так, как если бы они были написаны в первый год датирующего интервала; на общую картину это решение никакого существенного влияния не оказывает.

Примечательно, что из всех текстов, содержащих формы *рощей* и *вельможей*, нам встретился лишь один, в котором окончание *-ей* выступало бы в обеих своих грамматических ипостасях: роман И. И. Лажечникова «Последний Новик» (1833). Этот факт служит косвенным подтверждением того, что причиной постепенного исчезновения род. мн. на *-ей* у слов типа *роща* действительно было стремление избегать омонимии.

рощей 1742	вельможей 1769 (6x)
рощей 1751 (2x)	вельможей 1771–1779
рощей 1762 (2x)	вельможей 1772
рощей 1809–1820	вельможей 1773 (2x)
рощей 1813–1820	вельможей 1778–1783
рощей 1817	вельможей 1782
рощей 1819	вельможей 1783
рощей 1829	вельможей 1786–1787 (2x)
рощей 1829 (4x)	<i>вельможей</i> 1788–1822 (4x)
рощей 1833	вельможей 1789
рощей, роцей 1833	вельможей 1789 (2x)
рощей 1838 (2x)	вельможей 1789–1816
рощей 1839	вельможей 1791 (3x)
рощей 1839	вельможей 1794–1795 (2x)
<i>роцей</i> 1840	вельможей 1796
<i>роцей</i> 1842	вельможей 1800
<i>роцей</i> 1842–1843	вельможей 1805
рощей 1842–1850	вельможей 1814–1818
<i>роцей</i> 1846	вельможей 1816–1817
рощей 1847	<i>вельможей</i> 1825
<i>роцей</i> 1848	вельможей 1830
рощей 1849	вельможей 1830–1839
<i>роцей</i> 1849	<i>вельможей</i> 1834
<i>роцей</i> 1849–1852	вельможей 1846
<i>роцей</i> 1849–1856	<i>вельможей</i> 1846
<i>роцей</i> 1850–1860	<i>вельможей</i> 1846–1849
<i>роцей</i> 1851	<i>вельможей</i> 1852

<i>рощей</i> 1853–1857	<i>вельможей</i> 1857–1865
<i>рощей</i> 1855	<i>вельможей</i> 1858–1862
<i>рощей</i> 1855 (2х)	<i>вельможей</i> 1859
<i>рощей</i> 1855–1856 (2х)	<i>вельможей</i> 1861
<i>рощей</i> 1856	<i>вельможей</i> 1863
<i>рощей</i> 1856	<i>вельможей</i> 1866
рощей 1858 (2х)	<i>вельможей</i> 1867–1869
<i>рощей</i> 1858	<i>вельможей</i> 1869
<i>рощей</i> 1859	<i>вельможей</i> 1870
<i>рощей</i> 1862	<i>вельможей</i> 1874
рощей 1862–1866	<i>вельможей</i> 1875–1879
рощей 1863	вельможей 1877
<i>рощей</i> 1864	<i>вельможей</i> 1877–1880
<i>рощей</i> 1869	<i>вельможей</i> 1878
<i>рощей</i> 1869 (3х)	<i>вельможей</i> 1880

С учетом выдвинутого нами предположения специальный интерес представляет поведение двух слов типа *роща*: *тысяча* и *зоря* «военный сигнал».

К настоящему времени род. мн. *тысячей*, как кажется, практически исчез, т. е. сейчас слово *тысяча* в этом отношении не обнаруживает никакой специфики. Утрата этой формы, однако, происходила значительно медленнее, чем у других слов той же группы. В НКРЯ обнаруживаются, в частности, следующие примеры:

Бамбуковое жилище товарища Хо Ши Мина ничем не отличалось от *тысячей* хижин, в которых живут крестьяне Вьетнама. [Роман Кармен. Но пасаран! Ч. 2 (1972)]

...[Р]егулярно приходили счета на суммы в несколько *тысячей* шекелей. [Другие события // «Бизнес-журнал», 2004.01.22]

Помимо некоторой общей обособленности лексемы *тысяча* от прочих слов типа *роща*, определяемой ее принадлежностью к числительным, на устойчивость формы род. мн. *тысячей*, несомненно, оказало влияние то обстоятельство, что наряду с *тысячею* ~ *тысячей* в твор. ед. этой лексемы имеется и (достаточно употребительная и доныне) форма *тысячью*: в варианте парадигмы с твор. ед. *тысячью* и род. мн. *тысячей* форма на *-ей* сохраняла грамматическую однозначность.

Род. мн. слова *зоря* во всех известных нам словарях имеет вид *зорь*. Полноценно проверить эту рекомендацию трудно в силу чрезвычайной редкости соответствующей формы, однако в НКРЯ обнаруживается следующий пример:

Неизменно от веселых войсковых побудок до грустных вечерних *зорей* думала, где же он сейчас, этот странный, издерганный, мучительно дорогой ей Федор Олексин. [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)]

Если перед нами действительно род. мн. от *зоря*, на что как будто указывает упоминание «войсковых побудок», употребление писателем окончания *-ей* явно объясняется желанием не допустить омонимии с существительным *заря*

(тогда как понимание этой формы как твор. ед. полностью исключается контекстом).

Как кажется, рассмотренный фрагмент истории русского падежного склонения дает важный материал для понимания механизмов грамматических изменений.

ЛИТЕРАТУРА

- Аркадьев П. М.* Типология и диахрония: Наблюдения над падежным синкретизмом в славянских языках // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой / Ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 210–223.
- Еськова Н. А.* Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 960 с.
- Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.
- Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Множественное число. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 411 с.
- Панькова Е. С.* Функциональные особенности формы родительного падежа множественного числа существительных в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2012. 22 с.
- Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М.: Университетская типография, 1907. 309 с.
- Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990. 296 с.